

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Проблемы выявления и расследования преступлений
в сфере оказания медицинских услуг**

материалы Всероссийского научно-практического «круглого стола»

(Москва, 15 апреля 2016 года)

Москва, 2016

Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере оказания медицинских услуг : материалы Всероссийского научно-практического «круглого стола» (Санкт-Петербург, 15 апреля 2016 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. – 166 с.

Редакционная коллегия:

Бычков В.В., учёный секретарь Академии СК России (г. Москва), Почётный сотрудник СК России, кандидат юридических наук, доцент.

Розовская Т.И., заведующий кафедрой уголовного права шестого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

Сборник сформирован по материалам, представленным на Всероссийский научно-практический «круглый стол» на шестом факультете повышения квалификации Академии СК России (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) 15 апреля 2016 года.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Академия СК России

Вопросы профессиональной подготовки и квалификации следователей, расследующих уголовные дела о ятрогенных преступлениях

Аннотация: Автор рассматривает проблемные аспекты обозначенной темы, подчеркивает специфические трудности повышения квалификации следователей на данном направлении работы, предлагает варианты их преодоления.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, повышение квалификации, расследование ятрогении, образовательный процесс.

В научных дискуссиях о расследовании ятрогенных преступлений нередко прослеживается мысль о недостаточной подготовке следователей, расследующих уголовные дела данной категории, и пожелания повысить их профессиональный уровень, что напрямую связывается с возрастанием эффективности расследования. Действительно ли следователи, работающие на этом направлении, не соответствуют профессиональным ожиданиям, и сколь весомую роль в делах о ятрогенных преступлениях играет их квалификация?

Представляется, что от грамотного и квалифицированного следователя эксперты ожидают четкой постановки вопросов, передачу им в достаточном объеме документации, иных необходимых материалов. Адвокаты, вероятно, рассчитывают на активное взаимодействие с ним, беспрепятственное приобщение к делу представленных ими документов, постановку перед экспертами их вопросов. Суду и прокурору, как и руководителям следователя, нужно безупречно расследованное уголовное дело, причем последним – и при судебной перспективе, и в случае его прекращения. Обобщенным результатом видится как увеличение числа дел, направленных в суд, так и исключение обоснованных жалоб на неполноту расследования в случае их прекращения. Способен ли процесс обучения предопределить такую ситуацию?

Как показывают итоги проведенного 15.04.2016 круглого стола «Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере оказания медицинских услуг» существует немало иных нерешенных задач, помимо непрофессионализма следователей, препятствующих достижению обозначенной цели и восстановлению справедливости при причинении врачом вреда пациенту. Согласно результатам проведенного на шестом факультете повышения квалификации ИПК Академии СК России опроса представители группы следователей из 25 регионов России единогласно признают, что не являются профессионалами в расследовании ятрогении, и желают дополнительного обучения в этой области, однако лишь восьмая их часть усматривает в своей недостаточной подготовке препятствие принятию справедливых процессуальных решений.

На сегодняшний день очевидна общепринятая последовательность действий «среднестатистического» следователя при получении сообщения о врачебном преступлении: без особого углубления в подробности в силу иной занятости и

отсутствия специальных медицинских познаний он изымает или запрашивает медицинские документы, несколькими допросами обрисовывает общую картину произошедшего и направляет полученные материалы судебно-медицинскому эксперту, предоставив последнему возможность определять судьбу материала или дела. В случае получения заключения в пользу потерпевшей стороны (что в таких случаях больше редкость) дело уже более тщательно «доводится до ума» и готовится к направлению в суд. При отрицательном экспертном выводе, что бывает чаще, гораздо легче развести руками и принять реабилитирующее решение, «кивая» на эксперта. Повторные экспертизы в большинстве случаев назначаются либо из-за жалоб потерпевших, либо по особо резонансным делам. И только тогда следователь вынужден глубоко погружаться в проблему, поскольку «бороться» приходится уже как со стороной защиты, так и со специалистом, составившим первоначальное экспертное заключение.

Естественно, подобный подход неприемлем в силу его неэффективности, в связи с чем видится необходимость наделения следователя дополнительными знаниями и навыками, которые заставят его с начальных стадий уголовного преследования вникать в медицинский аспект проблемы.

В то же время, квалификация следователя в данной сфере – явление разноплановое. К примеру, не усматривается ни морального, ни юридического основания обвинять его в отсутствии медицинских знаний, поскольку такая ситуация прямо одобряется процессуальным законом, предусматривающим использование специальных познаний эксперта или специалиста. Образовательные учреждения Следственного комитета России просто не уполномочены давать следователю хоть сколько-нибудь серьезное медицинское образование.

Совсем другое дело, когда последний составляет элементарно неграмотные процессуальные документы, не представляя предмета доказывания по данным делам и не стремясь к этому. Такое, к сожалению, порой имеет место и происходит из низкого общего профессионального уровня данного сотрудника, вызывая вопросы к ВУЗу, выпустившему такого специалиста, и кадровым подразделениям, одобрявшим его принятие на работу. Образование, как известно, эффективно для того, кто стремится к нему. «Разгильдяев», к сожалению, обучать бесполезно, но к счастью, слишком долго они в стенах СК России не задерживаются.

Если же понимать под низкой квалификацией отсутствие опыта, то применительно к инициативному и добросовестному следователю это отнюдь не порок, а объективное и, хочется верить, временное явление, которое одним лишь учебным процессом не устранить. Именно опыт, как известно, Леонардо Да Винчи, именовал матерью всякой достоверности и единственным критерием истины. И приобретается таковой лишь в связи с расследованием уголовных дел. А их, стоит признать, при всей актуальности и тенденции к росту численности пока еще относительно немного. Почти половина, а именно 42% опрошенных на шестом факультете повышения квалификации следователей со стажем работы от 3 до 15 лет, в том числе работники аппаратов следственных управлений, либо вообще не сталкивались с проверкой и расследованием со-

общений данной категории, либо проводили 1-2 такие проверки. Вполне объяснимо, что при объективном отсутствии опыта даже «бывалый» следователь, получив сообщение о врачебном преступлении, оказывается не совсем готов к работе с ним.

Изучение имеющихся сегодня методик расследования ятрогении показывает, что залогом его успеха является тщательно организованный первоначальный этап следствия либо доследственной проверки, включающий грамотное изъятие нужных документов для объективного подтверждения проведенных медицинских манипуляций, первичные допросы в целях установления круга виновных и назначение судебно-медицинской экспертизы с верной постановкой вопросов. Дальнейшие стадии всецело зависят от экспертного заключения и предопределяются им, требуя от следователя углубленных познаний, хотя таких случаев меньшинство.

Какими же способами можно добиться качественной работы следствия хотя бы на этом первом этапе?

Главный из них, бесспорно, специализация. В качестве примера уместно привести опыт Следственного управления по Республике Татарстан, в котором большинство актуальных сообщений о врачебных преступлениях в день их поступления передаётся в республиканский аппарат, в отдел, специализирующийся на ятрогенных преступлениях и преступлениях против несовершеннолетних. По всем поступившим туда сообщениям незамедлительно возбуждаются уголовные дела, основанием чего является сам факт наступления негативных последствий для жизни или здоровья человека после медицинского вмешательства. Почти половина следователей отдела (а это 5 человек) специализируются именно на данных преступлениях, в связи с чем и имеют значительный профессиональный опыт. Помимо этого, в штат управления включены трое экспертов-медиков, оказывающих отделу весь объем консультативной помощи и участвующих в следственных действиях с первых минут расследования. Как результат – сообщения о преступлениях проверяются следственным путем, а прекращение уголовных дел, когда такое случается, основано на выводах о невиновности врачей, подтвержденных весомыми доказательствами.

К сожалению, приведенный пример воспроизводим далеко не везде по причинам, в первую очередь, кадрового характера. Значительное число следственных управлений СК России обслуживают обширные территории, имея в штате гораздо меньшее количество следователей, чем в упомянутом регионе, и не имеют возможности аккумулировать все «ятрогенные» уголовные дела и материалы.

Специализация же на уровне территориальных следственных отделов еще менее осуществима, поскольку здесь больше всего молодых специалистов, а также наиболее выражена пресловутая «текучка» кадров.

В отсутствие специализации вопрос профессионального образования приобретает особое звучание, поскольку любое обучение, не подкрепленное последующим применением полученных знаний практике, обречено стать безрезультатным. Безусловно, опыт коллег из Республики Татарстан в части привлечения штатных экспертов следственного управления к консультативному содействию

расследованию может стать серьезным подспорьем. Однако проблемным здесь видится хотя и не обостряемый пока судами, но и не разрешенный в науке и практике вопрос о наличии оснований для отвода ведомственных экспертов даже в статусе специалистов как заинтересованных в исходе дела лиц.

Проводимое же обучение именно следователей в такой ситуации можно разделить на учебные занятия без отрыва от производства, организуемые аппаратами следственных управлений, и повышение квалификации в стенах Академии СК России, осознающей свою далеко не последнюю роль в этом процессе. В учебно-тематические планы Академии включены занятия по данной тематике с большинством категорий слушателей. Издан ряд учебно-методических пособий о расследовании этих уголовных дел, другие готовятся к изданию. Обобщена и распространена всероссийская следственно-судебная практика. На отдельных факультетах организуется обучение конкретным следственным ситуациям на макетах уголовных дел о врачебных преступлениях. Однако даже при таких обстоятельствах в отсутствие специализации это обучение не вполне эффективно.

Кроме того, имеют место и вневедомственные проблемы, осложняющие повышение квалификации сотрудников СК России.

В ходе упомянутых выше опросов следователей, проходящих повышение квалификации в Академии, все они без исключения высказались в пользу учебных мероприятий в форме взаимодействия с практическими работниками, прежде всего, судебно-медицинскими экспертами. Причем, речь идет не только о согласовании вопросов, которые будут представлены на экспертизу. Сходные пожелания регулярно раздаются из уст самих экспертов. Было бы разумно и целесообразно строить процесс обучения, базируясь на экспертных представлениях, выводах и подходах к сущности врачебных преступлений. Однако, по нашему глубокому убеждению, это возможно лишь тогда, когда в самой экспертной среде те самые подходы устоятся в качестве постулатов, которые будет возможно доводить до следователей. В настоящее время реальная эффективность совместного обучения чрезвычайно спорна, поскольку в многоликом экспертном сообществе нет не только устоявшейся практики, но даже единая для всех методика производства экспертиз по «врачебным» делам разработана и распространена лишь в ноябре 2015 года. Очень хотелось бы верить, что с ее появлением производство экспертиз стандартизуется и станет от того понятным большинству следователей, но это покажет только время. Хотелось бы также надеяться, что указанная методика не останется исключительно рекомендательной, а будет реально внедрена в практику работы экспертных подразделений, что предполагает, видимо, некую ведомственную ответственность за отступление от нее. Пока же этого нет, следователи на территории России вынуждены опираться на подходы региональных бюро судебно-медицинской экспертизы и отдельных экспертов, а таковые (подходы) исторически определяются значительным числом факторов, начиная от ВУЗа и научной школы, где обучался эксперт, до его субъективных представлений и личных убеждений руководства бюро. Неудивительными, потому, становятся ситуации, когда эксперты одного региона делают выводы об отсутствии врачебных дефектов или причинной связи между ними и последствиями для пациента, а по результатам

повторной экспертизы комиссия бюро СМЭ соседнего субъекта приходит к противоположным выводам.

При таких обстоятельствах приходится констатировать возможность хоть какого-то результативного обучения лишь на уровне регионов с приглашением местных специалистов. Однако, такая форма обучения традиционно касается всей массы следователей без специализации и проходит, как правило, в лекционной форме, когда приглашенный излагает теоретические выкладки, одновременно отвечая на вопросы сотрудников. Практическая составляющая занятий зачастую отсутствует, а отведенного времени хватает на то, чтобы «пробежаться по верхам». Эффективность названного способа по изложенным причинам невелика. Цена же такого формализма в дальнейшей работе следователя может быть несоизмерима высока.

При стабилизации методики судебно-экспертной оценки врачебных дефектов и уверенности, что экспертная практика не пойдет с ней вразрез, вполне реальным становится приглашение практических работников и детальный разбор обстоятельств конкретных судебных экспертиз и уголовных дел в целом. Не исключена возможность закрепления методических основ следственной работы по «ятрогенным» делам, хотя бы на первоначальном этапе, в ведомственном приказе СК России, как это сделано, например, применительно к ситуациям, связанным с безвестным исчезновением граждан.

Безусловно, в перспективе ожидается долгожданное решение и иных проблем экспертной деятельности, таких как неясность и противоречия в нормативной правовой базе системы здравоохранения и других.

Пока же в отсутствие специализации следователей, а вернее, за ее невозможностью по причине разнообразия судебной и экспертной практики, реальная учебно-методическая помощь следователю состоит в разработке и распространении рекомендаций и памяток с указанием списка обычно подлежащих изъятию медицинских документов, типовых программ допроса участников процесса с различным статусом, а также справочников, содержащих вопросы, подлежащие постановке перед экспертами, что, собственно, Академией СК России уже сделано. Эффективность применения таких методических разработок всецело зависит от организации работы в конкретном следственном отделе и условий, созданных для их повседневного использования сотрудниками.

В заключении нельзя не упомянуть и о том, что разрешение на практике (путем законодательных изменений либо разъяснений Верховного Суда России) общеправовых проблем, к примеру, установления причинной связи вообще и во врачебных преступлениях в частности, положительно скажется на эффективности расследования даже при нынешнем уровне квалификации и подготовки следственных работников.

Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере оказания медицинских услуг : материалы Всероссийского научно-практического «круглого стола» (Санкт-Петербург, 15 апреля 2016 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 73-78